

Без пяти пять я попрощался с друзьями и пошел на четвертый этаж в кабинет Амбридж. Когда я постучал, она сахарным голоском откликнулась:

- Входите.

Я осторожно вошел, оглядываясь по сторонам. Я помню этот кабинет при каждом из его прежних владельцев. Во времена Квиррела везде висел чеснок, ведь всем известно, что он до смерти боится вампиров. Боялся. Когда его занимал Златоуст Локонс, все стены были оклеены его портретами. Придя к Люпину, почти наверняка можно было увидеть какое-нибудь диковинное существо в клетке или аквариуме. Он умел завлечь молодёжь. При самозванце, выдававшем себя за Грюма, кабинет был набит разнообразными инструментами и приспособлениями для раскрытия тайных козней. Теперь, однако, кабинет изменился до неузнаваемости. В фильме не показали и толики того, во что действительно превратился кабинет.

На абсолютно все поверхности были наброшены ткани - кружевные или обычные. Стояло несколько ваз с засушенными цветами, каждая на своей салфеточке, а на стенах висела коллекция декоративных тарелочек с яркими цветными котятками, которые различались, помимо прочего, повязанными на шею бантиками. Котятки были такие мерзкие, что мне хотелось ежесекундно провалиться под землю.

- Добрый вечер, мистер Тафт.

Я не сразу ее заметил, потому что ее мантия с ярким цветочным узором уж слишком хорошо гармонировала со скатертью на письменном столе.

- Добрый вечер, профессор Амбридж, - деревянным голосом отозвался я.

- Ну что ж, садитесь, - сказала она, показывая на маленький столик, покрытый кружевной скатертью, у которого она заранее поставила стул с прямой спинкой.

На столике, явно дожидаясь меня, лежал чистый пергамент. Я почувствовал, как кровь приливает к голове, в ушах застучало молотом. Я знаю, что сейчас будет адская боль. Это перо... Дополнение к моим шрамам? Да уж... Она смотрит на меня, слегка склонив голову на сторону, и по-прежнему широко улыбалась, как будто в точности знала, о чем я думаю, и хотела посмотреть, начну я снова кричать или нет. Сделав колоссальное усилие, я отвел от нее взгляд, уронил сумку на пол около стула с прямой спинкой и сел на него.

- Ну вот, - ласково сказала Амбридж, - мы уже лучше владеем собой, не правда ли? Теперь, мистер Тафт, вы напишете для меня некоторое количество строк. Нет, не вашим пером, - добавила она, когда я с надеждой потянулся к сумке, - Вы воспользуетесь моим пером, специальным. Вот, пожалуйста.

Она протянула мне злополучное черное перо, длинное и тонкое, с необычно острым кончиком.

- Я попросила бы вас написать: "Я не должен лгать", - мягко сказала она.

- Сколько раз? - спросил я, как можно убедительнее имитируя вежливость и интерес.

- Столько, сколько понадобится, чтобы смысл остался в вашей голове надолго, - ласково ответила Амбридж, - Приступайте.

Она отошла к своему столу, села и склонилась над стопкой пергаментов, которые скорее всего

были сданными на проверку письменными работами. Я приподнял острое черное перо, но понял, что кое-чего не хватает. Так, для убедительности...

- Вы не дали мне чернил.

- О, чернила вам не понадобятся, - заверила меня профессор Амбридж с крохотнейшей смешинкой в голосе.

Я поднес острое пера к бумаге и вывел: "Я не должен лгать". Слова, появившиеся на пергаменте, были написаны моей кровью. Те же слова возникли и на тыльной стороне левой руки, будто проведенные скальпелем; но не успел я отвести взгляда от свежих надрезов, как их затянуло гладкой кожей - осталась лишь небольшая краснота.

Я снова посмотрел на пергамент, как на старого врага, поднес к нему перо второй раз, написал: "Я не должен лгать" - и опять почувствовал жгучую боль в руке. Вновь слова были вырезаны на коже, и вновь надрезы затянулись секунды спустя. И так пошло дальше. Раз за разом я выводил на пергаменте эти слова, выводил и выводил, писал и писал...

За окном стало темно. Я не спрашивал ее, когда это кончится. Я ни разу даже не поглядел на часы. Я знаю, что она смотрит на меня, дожидаясь признаков слабости. А я не собираюсь их показывать, пусть даже придется просидеть тут всю ночь, вспарывая этим пером собственную руку...

- Подойдите сюда, - сказала она наконец. По ощущению, прошло несколько часов.

Левую кисть сильно саднило. Опустив на нее взгляд, я увидел, что надрезы затянулись, но кожа всюду красная, воспаленная.

- Дайте руку, - промолвила профессор Амбридж. Я протянул ей руку. Она взяла ее в свою. Когда она дотронулась до неё толстыми пальцами-обрубками, на которые были надеты уродливые старомодные перстни, я еле с подавил судорогу. И чтобы я делал без "Актёрского мастерства"?

- Увы, увы, увы, результаты пока скромные, - сказала она, улыбаясь, - Что ж, продолжим завтра вечером, не так ли? Можете идти.

Я без единого слова вышел из кабинета. В школе было совершенно безлюдно; наверняка уже перевалило за полночь. Я медленно двинулся по коридору, но, повернув за угол и зная, что отсюда она уже не услышит шагов, бросился бежать. Спать, чтобы не проспать!

Следующий день для меня выдался скверный. Не отработав как должно заклятие исчезновения, я в результате оказался одним из худших на трансфигурации. Такого ещё никогда не было. Между тем МакГонагалл, Граббл-Дерг и Синистра задали нам новые домашние задания, выполнить которые вечером у меня не было никаких шансов из-за наказания, наложенного Амбридж. Как выяснилось позже, мой титул старосты отнять невозможно, так что она меня так только пугала. А жаль, я бы с удовольствием занялся своими делами.

- По крайней мере это строчки, ничего больше, - попыталась утешить меня Гермиона, когда я опустился за стол, - Не такое уж страшное наказание.

Я открыл рот, потом закрыл его и кивнул. Я знаю, что не хочу видеть ужас на лицах друзей и возлюбленной, что от этого мне стало бы еще хуже, еще труднее. И вдобавок я смутно

чувствовал, что это должно остаться между мной и Амбридж. Хотелось бы выговориться Гарри, рассказать ему, как это ужасно, но нет - он-то не наказан. Я изменил канон, так что когда Гарри хотел заикнуться о том, что Владик жив, Амбридж пригрозила, что тот будет ходить со мной. А он и так отстающий...

Второй вечер у Амбридж прошел не лучше, чем первый. Кожа на тыльной стороне руки раздражалась теперь быстрее и очень скоро покраснела и воспалилась. Вряд ли она долго будет раз за разом так хорошо заживать. Скоро слова врежутся в руку, и Амбридж, видимо, будет удовлетворена. Тем не менее я не позволил себе даже вздохнуть от боли и за все время (она опять отпустила меня только после полуночи) не произнес ни слова, кроме "добрый вечер" и "спокойной ночи". С домашним заданием, однако, положение уже было отчаянное, и, вернувшись в гостиную, я, хоть и устал до предела, не пошел спать, а открыл учебники и принялся за письменную работу. Кончил к половине третьего ночи. Я знаю, что написал не ахти как хорошо, но делать было нечего; по крайней мере я сдам хоть что-то, иначе не миновать нового наказания.

Четверг прошел в тумане невероятной усталости. Рон тоже был очень сонный - я не понимаю почему. Может книгу перечитать? Не, лень...

Третий сеанс наказания отличался от предыдущих только тем, что через два часа слова "Я не должен лгать" уже не растаяли на руке, а остались нацарапанными на ней. Из букв капельками сочилась кровь. Перерыв в скрипе острого пера заставил профессора Амбридж поднять глаза.

- А, - мягко сказала она, выходя из-за стола, чтобы лично обследовать руку, - Хорошо. Это послужит вам напоминанием, не правда ли? На сегодня достаточно.

- Завтра мне приходиться? - спросил я, беря сумку правой рукой.

- Ну конечно, - ответила эта жаба, улыбаясь все так же широко, - За следующий вечер мы, надеюсь, впечатаем поучение еще чуть глубже.

"Сволочь, - думал я, поднимаясь по лестнице на восьмой этаж, - гнусная, сумасшедшая, старая..."

<http://tl.rulate.ru/book/9852/249495>